

Уманская П.А.¹⁾, Комалова Л.Р.^{2), 3)}

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ОБРАЗА КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ МЕЖДУ ПОДРОСТКОМ И РОДИТЕЛЕМ С УЧЕТОМ ФАКТОРА «БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛ»¹

¹⁾ *Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,*

²⁾ *Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,*

³⁾ *Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, p.umanskaya@yandex.ru, komalova@inion.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования когнитивного образа конфликтной ситуации в представлении подростков с опорой на результаты перцепции модельных конфликтных ситуаций между подростком и родителем. Методология исследования базируется на предположении, что когнитивный образ связывает абстрактный концепт с материальным миром, наполняет содержанием и закрепляет его в универсальном предметном коде мышления. Конфликты с родителями являются составляющей взросления, сепарации и становления личности, в связи с этим когнитивный образ конфликтной ситуации будет выполнять функцию предустановки в любой похожей ситуации. Исследование проводится по методике П. Вержеса. Процедура ассоциативного эксперимента реализуется на основе сложного аудиовизуального стимула с привлечением группы испытуемых (20 подростков женского и 20 подростков мужского пола). На основе полученных результатов структуру когнитивного образа конфликтной ситуации можно охарактеризовать как наиболее показательную и полную в случае, когда биологиче-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН» по теме «Новейшие тенденции в развитии гуманитарной мысли России и Запада: философские течения, развитие культурологии и духовная жизнь общества в цифровую эпоху».

ский пол испытуемого совпадает с полом подростка в стимульном материале: подросткам-девочкам свойственно проявлять эмпатию к участникам конфликта, обращать внимание на эмоции; в картине мира подростков-мальчиков конфликт – это естественный и рациональный способ достижения своих целей.

Ключевые слова: когнитивный образ; конфликтная ситуация; возрастная психология; ассоциативный эксперимент; вербальные ассоциации.

Поступила: 20.10.2024

Принята к печати: 10.06.2025

Umanskaya P.A.¹⁾, Komalova L.R.^{2), 3)}

**Modeling the cognitive image of a conflict situation
between an adolescent and a parent
considering ‘the biological sex’ factor¹**

¹⁾ *Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,*

²⁾ *Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,*

³⁾ *Moscow State Linguistic University,*

Russia, Moscow, p.umanskaya@yandex.ru, komalova@inion.ru

Abstract. The paper explores the cognitive image of a conflict situation in the minds of adolescents through the perception of model conflict situations between an adolescent and a parent by the subjects of the study. The research framework is based on the premise that the cognitive image associates an abstract concept with the material world, fills it with content and fixates it in the universal subject code of thinking. Conflicts with parents are a natural component of growing up, separation and personality development, in this regard, the cognitive image of a conflict situation will serve as a preset in any similar situation. The research procedure relies on P. Verges method. The association experiment involved 20 female and 20 male adolescents and relied on complex audiovisual stimuli. The authors argue that “biological sex” determines the cognitive image of a conflict situation: female adolescents tend to show empathy towards the participants, relate to their emotions; in the worldview of male adolescents, conflict is a natural and rational way to achieve their goals. The structure of the cognitive image of a conflict situation can be characterized as most indicative and complete in cases when the biological sex of the subject coincides with the sex of the adolescent featured in the stimulus material.

Keywords: cognitive image; conflict situation; developmental psychology; association experiment; verbal associations.

Received: 20.10.2024

Accepted: 10.06.2025

¹ The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences”, project “The latest trends in the development of humanitarian thought in Russia and the West: philosophical movements, the development of Cultural Studies and the spiritual life of society in the digital era”.

Введение

С середины 1960-х годов для языкознания, как и для большинства современных наук, господствующей парадигмой стала антропоцентрическая (см., например: [Серио, 1993; Кубрякова, 1995; Гринев-Гриневиц, Сорокина, Скопюк, 2008]). Ее характерной чертой является интерес к способам отражения в языке и речи ценностных установок и убеждений языковой личности, наивной картины мира человека. Работа с этим языковым материалом ведется посредством анализа результатов восприятия человеком явлений действительности.

С.Л. Рубинштейн определяет восприятие как активный процесс, в ходе которого субъект взаимодействует с окружающим миром и придает смысл воспринимаемым стимулам [Рубинштейн, 2010]. Результатом восприятия является формирование образа. В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова утверждают, что восприятие – это комплексный процесс, в рамках которого формируется перцептивный образ или система действий [Мещеряков, Зинченко, 2002]. Согласно положениям отечественной психологии, образы делятся на первичные и вторичные по отношению к объекту действительности [Гостев, 2007]. Под первичным образом понимается перцептивный образ, то есть результат отражения действительности посредством органов чувств. На их основе формируются функционально и структурно более сложные вторичные образы. Их основным отличием является отсутствие непосредственного воздействия объектов реального мира, они образуются благодаря трансформации чувственных образов, которые сохранились в памяти [Полищук, 2010].

Когнитивный образ связывает абстрактный концепт с материальным миром, наполняет содержанием и закрепляет его в универсальном предметном коде мышления. В сравнении с перцептивными образами когнитивные не так легко формулируются и имеют большее количество возможных интерпретаций [Введение в ..., 2004]. Если когнитивный образ является более устойчивой психической конструкцией, чем перцептивный образ, то, вероятно, он будет выполнять функцию предустановки в любой похожей ситуации, снижая когнитивную нагрузку и облегчая процесс принятия решения.

Языковая картина мира, система ценностей, установки формируются в течение всей жизни человека, однако первичной средой социализации является семья (см., например: [Кириленко, 2015;

Быкасова, Самойлова, 2024]). Повторяющиеся ситуации взаимодействия между ребенком и родителем закладывают основу поведения человека за пределами семейного круга. В подростковом возрасте¹ на фоне личностной нестабильности ребенок вынужден интегрироваться в более широкую социальную среду и подстраиваться под нее, что часто актуализирует различные противоречия (см., например: [Юнг, 1994]). Фигура родителя выступает прототипом Другого (более взрослого / статусного / властного и т.д.), с которым ребенок встречается в социальном пространстве². В связи с этим интерес представляют когнитивные образы (как гештальты, схемы действий) типичных ситуаций взаимодействия ребенка и родителя как основания для психологического переноса. Конфликты с родителями являются составляющей взросления, сепарации и становления личности (см., например: [Юнг, 1994; Комалова, 2023]).

Л.А. Петровская пишет об «образе конфликтной ситуации», то есть субъективном видении конфликтной ситуации, которое включает представления сторон о себе, своих ценностях и мотивах, представления о противоположной стороне, а также представление о среде, в которой протекает конфликт [Петровская, 1982]. В лингвистике этот теоретический конструкт соотносится с фреймом конфликта (см., например: [Цыцаркина, 2010]), более явно детектируется на прагматическом уровне языка, реализуется в коммуникативных техниках конфликтного взаимодействия [Комалова, 2016].

В силу того, что когнитивный образ связан с картиной мира, представляется недостаточным исследование только внешнего контура языковых конструктов и требуется обращение к более глубинным, коими мы считаем вербальные ассоциации.

¹ В данной работе мы будем придерживаться классификации Д.Б. Эльконина (1971), который выделяет в подростковом возрасте два основных периода: младший подростковый возраст (12–14 лет) и старший подростковый возраст, или раннюю юность (15–17 лет) [Эльконин, 2001]. Именно в подростковом возрасте восприятие других людей значительно совершенствуется, отмечается рост количества описательных категорий, уровня последовательности и системности. Подростки способны точно и убедительно анализировать и трактовать поведение индивида [Бодалев, 1982].

² В целом, отношение и восприятие подростком родителей детерминировано рядом параметров: типом привязанности, биологическим полом, образом Я, стилем воспитания, уровнем психологической грамотности родителей и их заинтересованностью ребенком [Шерешкова, Прокофьева, 2022].

Методика исследования

Исследование проводилось по методике П. Вержеса [Vergès, 1992]. Процедура ассоциативного эксперимента реализуется на основе сложного стимула. В группу испытуемых вошли 40 подростков (20 девочек и 20 мальчиков) в возрасте от 15 до 17 лет, проживающих в Москве. Все испытуемые прошли процедуру информированного согласия. В качестве стимульного материала испытуемым были предложены фрагменты из четырех кинофильмов, основной темой которых являются детско-родительские конфликты (табл. 1). Испытуемым было необходимо записать ряд ассоциаций, которые возникали при просмотре фрагмента, далее было предложено описать, что, по их мнению, произошло в данной ситуации, указать причины соответственного поведения родителя и подростка, а также аргументированно ответить на вопрос, кого они поддерживают в сложившейся ситуации.

Таблица 1

Стимульный киноматериал

Название фильма, год выхода в свет, жанр	Длительность фрагмента	Конфликт между
1. «Леди Берд» (<i>Lady Bird</i>), 2017, комедийная драма	1 мин 36 сек	дочь vs мать
2. «Новенький», 2020 (сериал), драма	1 мин 35 сек	сын vs мать
3. «Общество мертвых поэтов» (<i>Dead Poets Society</i>), 1989, драма	1 мин 46 сек	сын vs отец
4. «Девушка из Джерси» (<i>Jersey Girl</i>), 2004, комедийная драма	1 мин 59 сек	дочь vs отец

П. Вержес предлагает анализировать полученные ассоциации с учетом частоты появления понятия в ответах испытуемых и ранга появления данного понятия. В ходе анализа выявляются ядра социальных представлений, охватывающие стереотипы и прототипы, ассоциирующиеся с объектом исследования. Элементы ядра составляют Область I (квадрат 1), функциональной особенностью которой является организация представлений об объекте. Другие области составляют периферическую систему, имеющую иерархическую

структуру. Первую периферическую систему образуют Область II (квадрат 2) и Область III (квадрат 3): учитываются элементы, которые были связаны с объектом восприятия наименьшим количеством испытуемых или те элементы, которые были указаны большинством испытуемых исследования, но не в первую очередь. Данная система рассматривается как потенциальная зона изменения, которая предположительно может привести к модификации представлений. Вторая периферическая система (собственно периферическая система) включает Область IV (квадрат 4) – ассоциации с высоким рангом и низкой частотой [Vergès, 1992]. Прототипический анализ П. Вержеса позволяет не только определить структуру социального представления и когнитивного образа понятия, но и спрогнозировать динамику трансформации представления в данной группе, например переход ассоциаций из зоны потенциальных изменений в ядерную часть [Vergès, 1992].

Результаты исследования

В данной статье подробно остановимся на результатах анализа полученных вербальных ассоциаций в зависимости от биологического пола испытуемых, предполагая, что девочки-подростки будут более предвзяты при восприятии ситуаций с участием персонажа матери, а мальчики-подростки – персонажа отца.

Поскольку ответы испытуемых были представлены в развернутом виде, для выявления ассоциаций применялся метод контент-анализа. Далее ассоциации были сгруппированы в категории. В результате было получено 1599 ассоциаций, 786 из которых предоставлены мальчиками, 813 – девочками. Всего было выделено 28 категорий, которые представлены в табл. 2.

На следующем этапе были рассчитаны частоты (количество употреблений одной ассоциации всеми респондентами) и ранги (место той или иной ассоциации в общем ряде представленных реакций одного испытуемого). На основе полученных данных категории были распределены в соответствующие области (квадраты) с учетом их положения относительно медианы частоты и среднего ранга.

Результаты опроса (табл. 3) демонстрируют, что по сравнению с мальчиками-подростками девочки-подростки, участвовавшие в эксперименте, более последовательны в своих оценках. При этом мальчики проявляют тенденцию к сохранению нейтралитета.

Таблица 2

Примеры анализируемых ассоциаций

Название категории	Примеры вербальных ассоциаций
Инцидент	<i>Недопонимание, разногласия, недовольство</i>
Эскалация	<i>Ссора, конфликт, скандал</i>
Соперничество	<i>Противостояние, столкновение взглядов</i>
Манипуляции	<i>Принижение способностей, игнорирование</i>
Эмоциональность	<i>Печаль, истерика, не рад</i>
Агрессия	<i>Гнев, злость, крики</i>
Страх	<i>Страх, беспокойство, тревога</i>
Страдания	<i>Страдания, боль, смерть матери</i>
Тупик	<i>Безысходность, неуступчивость, нежелание идти на компромисс</i>
Предательство	<i>Предательство, отсутствие поддержки</i>
Будущее	<i>Дальнейшая жизнь, карьера, жизненный путь</i>
Ценности	<i>Семья, свобода, счастье</i>
Эгоизм	<i>Эгоизм, ставит свои интересы выше, не заботит</i>
Отчаяние	<i>Отчаяние, принятие, смирение</i>
Сотрудничество	<i>Обсуждение, найти подход, войти в положение</i>
Поведение родителя	<i>Навязать мнение, мешает добиться цели, оберегает</i>
Взаимоотношения родителей	<i>Развод, супружеские проблемы</i>
Деспотизм родителя	<i>Принуждение, подавление, диктатура</i>
Детское поведение	<i>Детские словечки, неспособность разобраться в проблеме</i>
Внешние факторы	<i>Переезд, концерт, дорога</i>
Импульсивность	<i>Дерзость, безрассудство</i>
Сепарация	<i>Сепарация, гиперопека, самостоятельность</i>
Родительские установки	<i>Ничего не добьётся, не справится, как лучше</i>
Негативные индивидуальные характеристики	<i>Упрямство, непреклонность, нетерпимость</i>
Подростковые реакции	<i>Инфантилизм, подростковый максимализм, пререкание</i>
Уклонение	<i>Отгородиться от проблем, отговорки</i>
Бунтарство	<i>Бунт, возмущение</i>
Оценка	<i>Глупость, нелепо, малостоящие аргументы</i>

Таблица 3

**Ответы испытуемых на вопрос «Кого Вы поддерживаете
в сложившейся ситуации?»**

Ситуация (кинофрагмент)	Персонажи	Ответы (в %)	
		мальчиков	девочек
1. «Леди Берд»	мать	22,2	10,5
	дочь	27,8	42,2
	никого	44,4	36,8
	двоих	5,6	10,5
2. «Новенький»	мать	22,2	26,2
	сына	22,2	52,5
	никого	50	15,7
	обоих	5,6	5,6
3. «Общество мертвых поэтов»	отца	11,1	0
	сына	72,2	84,2
	никого	11,1	10,5
	обоих	5,6	5,3
4. «Девушка из Джерси»	отца	33,3	15,8
	дочь	27,8	57,9
	никого	33,3	15,8
	обоих	5,6	10,5

Результаты ассоциативного эксперимента с группой девочек

Рассмотрим результаты анализа ассоциаций группы девочек-подростков (табл. 4–7).

Таблица 4

**Структура образа конфликтной ситуации
между матерью и дочерью (ответы девочек)**

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥7; ранг <7,9)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥7; ранг ≥7,9)
эскалация (17; 5,4) соперничество (7; 7,5) агрессия (7; 6,9) страх (8; 7,5) подростковые реакции (16; 7,6) сепарация (9; 7,8) предательство (7; 5,2) будущее (13; 7,6) ценности (14; 5,1) сотрудничество (12; 7)	инцидент (20; 10,6) поведение родителя (19; 8,6) эгоизм (16; 10,4) родительские установки (8; 10,5)

Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота <7; ранг <7,9)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота <7; ранг ≥7,9)
уклонение (3; 5,5) эмоциональность (2; 2) тупик (4; 7,7) внешние факторы (3; 6)	манипуляции (6; 9,6) страдания (3; 12) импульсивность (5; 10) бунтарство (2; 9) отчаяние (5; 11) негативные индивидуальные характеристики (2; 9)

Таблица 5

Структура образа конфликтной ситуации
между матерью и сыном (ответы девочек)

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥8; ранг <6,7)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥8; ранг ≥6,7)
эскалация (12; 5,7) агрессия (8; 5,6) подростковые реакции (9; 5) будущее (9; 6,3) ценности (9; 6,5) поведение родителя (8; 6) внешние факторы (18; 4,4) взаимоотношения родителей (14; 4,5)	инцидент (33; 7,6) тупик (9; 8,3) сотрудничество (14; 8,3) эгоизм (12; 7,6)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота <8; ранг <6,7)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота <8; ранг ≥6,7)
манипуляции (4; 5) страдания (7; 4,5) сепарация (3; 5,7) бунтарство (6; 6) родительские установки (5; 6,3) эмоциональность (7; 5,8)	соперничество (5; 7) уклонение (2; 9,5) предательство (6; 13,6) отчаяние (2; 7,5) негативные индивидуальные характеристики (6; 8,3)

На основании полученных данных можно сделать вывод, что наибольшее внимание девочек-подростков в конфликтной ситуации между матерью и дочерью привлекает именно динамика конфликта (эскалация). Они особо выделяют эмоциональное состояние участников конфликта, а именно агрессию и страх. Важными компонентами для них также являются причины конфликта: пре-

дательство, споры о будущем и несовпадающих ценностях матери и дочери. Ядро представлений о конфликте между матерью и дочерью также включает стратегии сотрудничества, то есть пути примирения и налаживания отношений между подростком и родителем. На основании наличия категорий «подростковые реакции» и «сепарация» в ядре когнитивного образа можно прийти к выводу о том, что девочки считают поведение дочери основным, но не единственным фактором, который привел к конфликтной ситуации. В зону меньшинства (квадрат 4) вошли категории, которые описывают стили поведения, а также личностные характеристики, которые потенциально могут стать триггером конфликта. Таким образом, испытуемые девочки абстрагируются от драматической составляющей конфликта, фокусируясь на его течении и более объективных и рациональных причинах, а также на способах поиска консенсуса.

Анализ категорий, представленных в ядре когнитивного образа конфликтной ситуации между матерью и сыном в представлениях испытуемых девочек, свидетельствует о том, что основное внимание подростков-девочек также посвящено динамике конфликта. В данной ситуации акцент сделан не только на провокационном поведении подростка (подростковые реакции), но и на действиях родителя (поведение родителя, взаимоотношения родителей). Поскольку основной темой и причиной представленных в кинофрагментах конфликтов было обсуждение будущего и дальнейшего образования подростков, ключевыми компонентами ядра также стали категории «будущее» и «ценности», а также «внешние факторы», которые могут не только стать причиной конфликта, но и в значительной мере определить поведение конфликтующих сторон.

Зона меньшинства включает категории, которые являются стимулами для продолжения конфликта, что позволяет сделать вывод о том, что девочки-подростки выступают за скорейшее разрешение конфликтной ситуации. Кроме того, в отличие от конфликтной ситуации между матерью и дочерью, в данном случае категория «соперничество» оказалась в меньшинстве, что свидетельствует о представлении матери и дочери как соперничающих, равных сторон, чего нельзя сказать о подростке и родителе разных биологических полов. Категория «сотрудничество» вошла в так называемую «буферную зону», что свидетельствует о том, что девочки-подростки не до конца понимают механизм разрешения конфликта между матерью и сыном.

Таблица 6

**Структура образа конфликтной ситуации
между отцом и сыном (ответы девочек)**

Квадрат 1 ЯДРО (частота $\geq 4,5$; ранг $< 6,3$)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота $\geq 4,5$; ранг $\geq 6,3$)
эскалация (5; 5,4) агрессия (8; 5,7) ценности (17; 4,8) поведение родителя (10; 5) деспотизм родителя (22; 5)	инцидент (30; 6,5) соперничество (6; 8,7) манипуляции (9; 7,5) будущее (23; 6,6) отчаяние (14; 8,3) родительские установки (11; 7,4)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота $< 4,5$; ранг $< 6,3$)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота $< 4,5$; ранг $\geq 6,3$)
эмоциональность (3; 6) страх (4; 5,3) страдания (3; 3) подростковые реакции (4; 7) сепарация (3; 3,3) тупик (2; 4) предательство (1; 5) внешние факторы (4; 5)	сотрудничество (1; 10) эгоизм (2; 10) негативные индивидуальные характеристики (2; 9,5)

При анализе стимульного материала в виде конфликтной ситуации между отцом и сыном испытуемые девочки особо выделили фигуру отца, присущее ему поведение, рассматривали конфликт с его стороны. Данные результаты могут объясняться как ярко выраженным доминированием отца в представленном фрагменте фильма, так и непониманием чувств представителя противоположного биологического пола в отношениях с отцом, отсюда – концентрация на позиции старшего, более убедительного персонажа.

Зона меньшинства представлена категориями сотрудничества и эгоизма, а также негативными индивидуальными характеристиками, что говорит о том, что давление и авторитаризм отца настолько очевиден в отношениях с сыном, что не представляется возможным, во-первых, объяснить это поведением или возрастными особенностями сына, во-вторых, найти пути выхода из данного конфликта.

Содержание ядра образа конфликтной ситуации между отцом и дочерью у девочек-подростков свидетельствует о том, что испытуемые девочки особое внимание уделяют анализу ситуации:

выяснению, что именно привело к конфликту, и каким образом он развивался. Важной категорией является «эмоциональность», что может быть связано с переживанием собственного опыта ссор с отцом, актуализацией собственных переживаний или эмоциями по отношению к девочке (героине сюжета), эмпатией. В ядре нет категорий, которые свидетельствовали бы о поведении подростка или родителя как о причине конфликта. Девочки занимают нейтральную позицию, обозначая ценности и внешние обстоятельства как основные триггеры. Это подтверждается и значениями зоны меньшинства, компонентами которой являются родительские установки и эгоизм как наименее значимые. Наличие категории «сотрудничество» в ядре свидетельствует о понимании девочками механизмов разрешения конфликта. По этой же причине категории «уклонение» и «тупик» расположены в зоне меньшинства, поскольку для испытуемых данная ситуация не является безвыходной.

Таблица 7

**Структура образа конфликтной ситуации
между отцом и дочерью (ответы девочек)**

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥9; ранг <7,2)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥9; ранг ≥7,2)
инцидент (45; 6,2) эскалация (9; 6,9) эмоциональность (10; 5,2) ценности (36; 6,6) сотрудничество (9; 4,8) внешние факторы (12; 4,7)	агрессия (11; 7,4) предательство (11; 7,7) детское поведение (14; 7,6) поведение родителя (9; 8,6)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота <9; ранг <7,2)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота <9; ранг ≥7,2)
манипуляции (5; 3,2) страх (5; 5,5) страдания (6; 6,1) будущее (4; 6,1) негативные индивидуальные характеристики (3; 5)	уклонение (3; 10,3) тупик (2; 17) эгоизм (7; 9,8) родительские установки (3; 7,5)

Обобщая результаты, полученные в ходе анализа вербальных ассоциаций испытуемых девочек, можно заключить, что стереотипы когнитивного образа конфликтной ситуации между подростком и

родителем формируются с опорой на категории «эскалация», «агрессия», «ценности». Большую эмпатию и понимание девочки демонстрируют в случаях, когда в качестве стимульного материала выступают кинофрагменты конфликтных ситуаций с участием подростка женского пола. В этих же случаях увеличивается доля ассоциаций категории «сотрудничество», то есть девочки сталкивались с похожими ситуациями в своей жизни и не рассматривают данные случаи как повод для прекращения отношений или как безвыходную ситуацию. Что касается конфликтных ситуаций с сыновьями, согласно результатам, девочки принимают их сторону и рассматривают поведение и установки родителя как основную причину недопонимания и последующей эскалации конфликта.

Девочки-подростки поддерживают сторону подростка вне зависимости от биологического пола подростка или родителя, участвующих в конфликте. Можно предположить, что в силу возраста и актуальности данного вида конфликтов девочки-подростки ассоциируют себя с персонажами-подростками, однако еще не могут объективно и беспристрастно оценить ситуацию, понять мотивы родителей.

Результаты ассоциативного эксперимента с группой мальчиков

Рассмотрим результаты анализа ассоциаций мальчиков-подростков (табл. 8–11).

Таблица 8

Структура образа конфликтной ситуации между матерью и дочерью (ответы мальчиков)

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥ 7; ранг $< 7,7$)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥ 7; ранг $\geq 7,7$)
эскалация (30; 5,7) соперничество (7; 6,1) будущее (15; 6,03) ценности (8; 5,3) поведение родителя (11; 6,5) эгоизм (7; 7,5) негативные индивидуальные характеристики (7; 7,3)	инцидент (29; 8,8) предательство (7; 9,6) сотрудничество (9; 9,7) родительские установки (8; 8,8) внешние факторы (11; 7,9)

Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота <7; ранг <7,7)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота <7; ранг <7,7)
агрессия (5; 3) страдания (3; 2) подростковые реакции (6; 6,2) сепарация (2; 5,5) отчаяние (4; 3,3)	уклонение (3; 17) манипуляции (6; 8,8) бунтарство (6; 10,1) деспотизм родителя (6; 9,3) оценка (3; 14)

Таблица 9

**Структура образа конфликтной ситуации
между матерью и сыном (ответы мальчиков)**

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥6; ранг <8,9)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥6; ранг ≥8,9)
инцидент (31; 8,4) эскалация (16; 1,6) соперничество (6; 7,1) агрессия (8; 4,3) будущее (16; 8,1) ценности (10; 4,9) родительские установки (7; 7,6) внешние факторы (21; 6,8) взаимоотношения родителей (7; 6,1)	подростковые реакции (7; 8,9) тупик (6; 13,3) сотрудничество (11; 16,9) эгоизм (6; 12,1) оценка (9; 10,2)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота <6; ранг <8,9)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота <6; ранг ≥8,9)
манипуляции (3; 3,3) сепарация (3; 8) поведение родителя (3; 6,7) бунтарство (5; 3,8) отчаяние (5; 5,3) негативные индивидуальные характеристики (3; 1,7)	уклонение (3; 13) страх (2; 30) страдания (3; 12,3) предательство (5; 13,4)

По сравнению с девочками, мальчики более беспристрастно подходят к оценке конфликтного поведения между матерью и дочерью. Например, причиной конфликта они считают не только поведение родителя, но и эгоизм – категорию, которая в основном характеризовала поведение подростка. Для мальчиков-подростков значимым фактором является динамика конфликта (эскалация), причины конфликта (будущее, ценности) и личностные характеристики участвующих сторон (негативные индивидуальные характеристики).

В зоне меньшинства примечательно появление новой категории «оценка», которая ранее не выделялась при анализе реакций

девочек-подростков. Несмотря на незначительные показатели данной категории, стоит отметить, что мальчики в большинстве случаев не проявляют эмпатию, понимание, а оценивают поведение сторон.

В ядре образа конфликтной ситуации между матерью и сыном выделяются только категории, характеризующие поведение родителей (родительские установки, взаимоотношения родителей) или факторы, независимые ни от одной из сторон (внешние факторы). Таким образом, можно сделать вывод о том, что мальчики-подростки считают именно поведение родителей одним из основных триггеров конфликта. Помимо этого, шесть из девяти категорий ядра описывают причины эскалации, что говорит о довольно рациональном подходе к анализу ситуации и необходимости выяснить истоки проблемы. Важным компонентом ядра является также категория «соперничество», то есть мальчики воспринимают мать и сына в данной ситуации как равных участников, которым важно доказать свое превосходство и остаться правым.

Категория «оценка» находится в «буферной зоне». В нее входят единицы, которые не связаны с эмоциональностью или проявлением сочувствия к той или иной стороне. В данную группу вошли ассоциации, которые довольно однозначно и категорично показывали отношение испытуемых.

Категории зоны меньшинства показывают, что мальчики-подростки не рассматривают конфликты с матерью как предательство одной из сторон, они не пытаются избежать разрешения конфликта (уклонение) и не проявляют излишней эмоциональности (страх, страдания). Таким образом, мальчики-подростки рассматривают конфликтную ситуацию между матерью и сыном не как чрезвычайно негативное событие, которое может привести к серьезным или драматичным последствиям, а как логичный способ преодоления непонимания и достижения своей цели.

В конфликтной ситуации между отцом и сыном мальчики-подростки в качестве причин конфликта также предоставили реакции, связанные с поведением родителей (родительские установки, деспотизм родителя, манипуляции). Категория «оценка» также вошла в ядро когнитивного образа, что объясняется высокой степенью эмоциональной вовлеченности в отличие от остальных конфликтных ситуаций.

Таблица 10

Структура образа конфликтной ситуации
между отцом и сыном (ответы мальчиков)

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥ 6; ранг $< 8,4$)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥ 6; ранг $\geq 8,4$)
инцидент (29; 7,8) эскалация (6; 4,2) манипуляции (11; 3) агрессия (9; 4,7) будущее (18; 6,3) ценности (14; 6,8) родительские установки (8; 6) деспотизм родителя (27; 8,2) оценка (11; 6,9)	сотрудничество (10; 11,3) эмоциональность (6; 11)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота < 6; ранг $< 8,4$)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота < 6; ранг $\geq 8,4$)
страх (2; 7) подростковые реакции (2; 2) поведение родителя (5; 4)	соперничество (2; 9,5) страдания (3; 17,7) сепарация (3; 11,3) тупик (4; 12,5) предательство (5; 13,8) отчаяние (5; 9,8) внешние факторы (5; 9)

В зоне Периферии 1 (квадраты 2 и 3) встречается категория «сотрудничество», что говорит о том, что, несмотря на эмоциональный отклик и осуждение поведения родителя, мальчики-подростки все равно рассуждают о стратегиях разрешения данного конфликта. Это положение подтверждается и категориями, составляющими зону меньшинства (страдания, тупик, отчаяние). Для мальчиков-подростков представленный тип конфликтной ситуации является значимым, провоцирующим на эмоции и оценку, но не безвыходной ситуацией, которая вызывает отчаяние. Отношения отца и сына практически не ассоциируются у испытуемых с соперничеством. В представленном кинофрагменте поведение родителя можно назвать подавляющим и деспотичным, что стало причиной смирения и почти безоговорочного подчинения сына, поэтому нельзя с точностью утверждать, что эта тенденция в целом может быть перенесена на отношения между отцами и сыновьями.

Компоненты ядра когнитивного образа конфликтной ситуации между отцом и дочерью демонстрируют, что в качестве одной из ключевых причин конфликта мальчики-подростки выделяют

поведение родителя и негативные индивидуальные особенности. Категория «страдание» частично характеризует отца, что показывает сочувствие или понимание мотивов родителя. Наличие в ядре категории «предательство» свидетельствует о категоричности мальчиков-подростков. Ядро данного образа не содержит категорий «инцидент» и «эскалация», что свидетельствует о не столь значимой роли динамики конфликта и его объективных причин.

Таблица 11

Структура образа конфликтной ситуации
между отцом и дочерью (ответы мальчиков)

Квадрат 1 ЯДРО (частота ≥ 6; ранг < 8)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота ≥ 6; ранг ≥ 8)
агрессия (11; 6,6) страдания (13; 5,8) предательство (13; 7,5) ценности (23; 7,3) поведение родителя (10; 6,6) негативные индивидуальные особенности (6; 4,3)	инцидент (35; 9,2) эскалация (19; 8,2) сотрудничество (12; 10) эгоизм (6; 8,8) детское поведение (10; 13,3)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 (частота < 6; ранг < 8)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота < 6; ранг ≥ 8)
манипуляции (4; 6) эмоциональность (3; 7) импульсивность (3; 7) отчаяние (4; 7) родительские установки (5; 5,8)	уклонение (2; 10,5) тупик (2; 10,5) будущее (5; 8) внешние факторы (4; 8,3) оценка (4; 10)

В зоне меньшинства присутствуют категории «уклонение», «тупик», что говорит о понимании испытуемыми того, каким образом данная ситуация может быть разрешена. Категория «оценка» в зоне меньшинства также свидетельствует о рациональном подходе к рассмотрению поведения участников конфликта.

Обобщая результаты анализа вербальных ассоциаций испытуемых мальчиков, можно заключить, что основными компонентами ядра когнитивного образа конфликтной ситуации между родителем и подростком у них являются эскалация, ценности, агрессия. Категории, которые свидетельствуют о проявлении эмпатии и эмоций по отношению к той или иной стороне конфликта в большинстве случаев находятся в зоне меньшинства, а значит, не характеризуют восприятие и поведение испытуемых мальчиков. При этом

мальчики-подростки высказывают оценочные ассоциации, что говорит об их рациональности при восприятии конфликтных ситуаций. В большинстве случаев категория «сотрудничество», включающая возможные варианты и советы по разрешению ситуации и поиску компромисса, находится в «буферной зоне», что говорит о том, что испытуемые мальчики имеют представление о возможных путях и стратегиях налаживания отношений между родителем и подростком, однако это не является для них приоритетным компонентом образа конфликтной ситуации.

В большинстве ситуаций испытуемые мальчики занимают нейтральную позицию и не принимают сторону ни одного из конфликтующих коммуникантов. Единственным эпизодом, ассоциации с которым отличались от остальных ситуаций, стала конфликтная ситуация между отцом и сыном. В целом мальчики-подростки воспринимают конфликт как один из компонентов детско-родительского взаимодействия, который не является поводом для проявления излишней эмоциональности или категоричных выводов о предательстве друг друга. Можно предположить, что конфликт является одним из способов самовыражения и самоутверждения у представителей данной группы.

Заключение

Сопоставляя полученные результаты по фактору «биологический пол», можно заметить, что структуры когнитивных образов конфликтных ситуаций между родителями и детьми имеют схожие компоненты, что говорит о наличии у испытуемых стереотипных представлений о конфликте как об этапе эскалации в отношениях между членами семьи, который приводит к проявлению агрессии с обеих сторон и чаще всего в понимании подростков вызван именно ценностными разногласиями или спорами, связанными с будущим подростка. Однако данные свидетельствуют и о наличии особенностей в когнитивном образе конфликтной ситуации у представителей различных биологических полов.

В ядре образа конфликтной ситуации между матерью и дочерью девочки-подростки актуализировали значительное количество ассоциаций, попадающих в категории «предательство» и «соперничество». Несмотря на роль фигуры матери в воспитании и в целом жизни девушки, на данном возрастном этапе мать воспринимается ими как соперник, а ее действия трактуются как предательские и

враждебные. Стоит отметить и высокую степень рефлексии и осознанности у подростков женского пола, поскольку категории, связанные с импульсивным и негативистским поведением находятся в зоне меньшинства структуры когнитивного образа конфликтной ситуации. Мальчики-подростки рассматривают конфликтную ситуацию более отстраненно, обращают внимание и на поведение дочери, и на поведение матери, их оценка в данном случае является более рациональной.

Показательна также структура образа конфликтной ситуации между дочерью и отцом. В зоне меньшинства когнитивного образа у девочек присутствуют ассоциации категорий «родительские установки», «эгоизм», «тупик». Можно предположить, что испытуемые женского пола оправдывают подростка и родителя, поскольку имеют соответствующий конфликтный опыт и предоставляют ассоциации, демонстрирующие эмоциональное переживание при просмотре данного фрагмента, что подтверждается наличием категории «эмоциональность» в ядре представления. Это наблюдение подтверждается также присутствием категории «сотрудничество» в ядре, то есть девочки-подростки большое внимание уделяют и примирению, предлагают способы преодоления недопонимания и налаживания отношений. У испытуемых мальчиков в ядре образа присутствует категория «поведение родителя», а значит, они больше фокусируются на мужской фигуре отца, его поведении и мотивах.

Структура когнитивного образа конфликта между матерью и сыном в представлениях девочек-подростков свидетельствует о незначительной роли эмоционального отклика и сочувствия в реакциях девочек. Возможно, данная модель конфликтной ситуации для них незнакома или не представляет особого личного значения. В то же время ядро образа мальчиков-подростков свидетельствует о предвзятости и, возможно, неосознаваемой поддержке именно сына. Мальчикам-подросткам несвойственно драматизировать конфликтную ситуацию и рассматривать ее как значительное или поворотное событие в отношениях с родителями.

Можно предположить, что наиболее тяжелым для восприятия был стимульный материал, содержащий кинофрагмент конфликтной ситуации между отцом и сыном. Исходя из полученных результатов, видно, что испытуемые девочки категорично и однозначно видят причину конфликта в отце и его деспотичном поведении. Для мальчиков-подростков данная ситуация стала самой провокационной и вызвала наибольший отклик. Несмотря на особое

внимание к поведению отца и его установкам и качествам, испытываемые мальчики не рассматривают его фигуру как соперника. Возможно, данное наблюдение связано со спецификой выбранного кинофрагмента или безусловным уважением мальчиков-подростков к сильному и властному взрослому. Тем не менее даже столь однозначная ситуация не является поводом для проявления излишних эмоций или отчаяния для испытываемых мальчиков.

Подводя итог, можно сказать, что фактор «биологический пол респондента» влияет на формируемый когнитивный образ конфликтной ситуации: девочкам свойственно проявлять эмпатию к участникам конфликта, обращать внимание на эмоции, которые часто могут стать главной причиной эскалации; мальчики в основном беспристрастно воспринимают детско-родительские конфликты, так как в их картине мира конфликт – это естественный и рациональный способ достижения своих целей. Структуру когнитивного образа конфликтной ситуации можно охарактеризовать как наиболее показательную и полную в случае, когда биологический пол испытуемого совпадает с полом подростка, участвующего в конфликте, поскольку данные переживания актуальны для опрошенных по причине возрастных особенностей и наличия соответствующего опыта.

Список литературы

- Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. – Москва : Издательство Московского университета, 1982. – 200 с.
- Быкасова Л.В., Самойлова А.Н.* Социогенетический код детства // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2024. – № 16. – С. 106–123. – DOI: 10.17748/2219-6048-2023-16-1-106-123
- Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4: Концептуальные исследования / под ред. М.В. Пименовой.* – Кемерово : Графика, 2004. – 208 с.
- Гостев А.А.* Психология вторичного образа. – Москва : Изд-во ИП РАН, 2007. – 512 с.
- Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.* Основы антропологической лингвистики. – Москва : Академия, 2008. – 122 с.
- Кириленко И.Н.* Научные предпосылки оформления проблематики детско-родительских отношений в отечественной психологии // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 276–283.
- Комалова Л.Р.* Межличностная коммуникация: от конфликта к консенсусу. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 180 с. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaia_kommunikaciia-1.pdf
- Комалова Л.Р.* Вербализация стратегий совладания с деструктивным речевым поведением родителя (экспериментальное исследование ответной речевой ре-

- акции молодежи) // Организационная психолингвистика. – 2023. – № 3(23). – С. 25–49. – URL: [https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023%E2%84%963\(23\).pdf](https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023%E2%84%963(23).pdf)
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – Москва, 1995. – С. 144–238.
- Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – Москва : Прайм-Еврознак, 2002. – 630 с.
- Петровская Л.А. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. – Москва : Издательство Московского университета, 1982. – 168 с.
- Полищук Е.А. Подходы к пониманию категории образа в психологии // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2010. – № 5(47). – С. 60–62.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 512 с.
- Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ / науч. ред. Д.И. Руденко. – Харьков : Око, 1993. – С. 37–52.
- Цыцаркина Н.Н. Объективация фреймов «социальных отношений» в современном английском языке. – Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2010. – 132 с.
- Шерешкова Е.А., Прокофьева Ю.В. Формирование осознанного отношения подростков к своим родителям // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 2. – С. 151–161.
- Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна; вступ. ст. Д.И. Фельдштейна. – 3-е изд. – Москва : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : НПО МОДЭК, 2001. – 416 с.
- Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / пер. с нем. А.М. Боковой; предисл. А.В. Брушлинского. – Москва : Прогресс, Универс, 1994. – 336 с.
- Vergès P. L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. – 1992. – Vol. 45(405). – P. 203–209. – DOI: <https://doi.org/10.3406/bupsy.1992.14128>. – URL: https://www.persee.fr/doc/bupsy_0007-4403_1992_num_45_405_14128

Reference

- Bodalev, A.A. (1982). *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Bykasova, L.V., Samoylova, A.N. (2024). Sociogenetic code of childhood. *Historical and Social Educational Idea*, 16, 106–123. DOI: 10.17748/2219-6048-2023-16-1-106-123
- Pimenova, M.V. (ed.) (2004). *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku. Vyp. 4: Kontseptual'nye issledovaniya*. Kemerovo: Grafika.
- Gostev, A.A. (2007). *Psikhologiya vtorichnogo obraza*. Moscow: Izdatel'stvo IP RAN.
- Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E.A., Skopjuk, T. (2008). *Osnovy antropolingvistiki*. Moscow: Akademiya.
- Kirilenko, I.N. (2015). Scientific prejudice of child and parents' relation problem in Russian Psychology. *Gumanitarnye i Social'nye Nauki*, 1, 276–283.

- Komalova, L.R. (2016). *Interpersonal communication: from conflict to consensus*. Moscow: INION RAN.
- Komalova, L.R. (2023). Adolescent's coping-strategies verbalization in respond to parent's destructive speech behavior (experimental research). *Organizational Psycholinguistics*, 3(23), 25–49.
- Kubryakova, E.S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza). In *Yazyk i nauka kontsa XX veka* (pp.144–238). Moscow.
- Meshcheryakov, B.G., Zinchenko, V.P. (2002). *Bolshoj psihologicheskij slovar*. Moscow: Praim-Evroznak.
- Petrovskaya, L.A. (1982). *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sotsial'no-psikhologicheskogo treninga*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Polishchuk, E.A. (2010). Podkhody k ponimaniyu kategorii obraza v psikhologii. *Zhurnal nauchnykh publikatsij aspirantov i doktorantov*, 5(47), 60–62.
- Rubinshtejn, S.L. (2010). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir*. Saint-Petersburg: Piter.
- Serio, P. (1993). V poiskakh chetvertoj paradigmy. In Rudenko, D.I. (ed.) *Filosofiya yazyka: v granitsah i vne granits* (pp.37–52). Khar'kov: Olo.
- Tsytsarkina, N.N. (2010). *Obektivaciya frejmov "sotsial'nykh otnoshenij" v sovremennom anglijskom yazyke*. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shereshkova, E.A., Prokofieva, Yu.V. (2022). Formation of a conscious attitude of adolescents towards their parents. *Pedagogical Education in Russia*, 2, 151–161.
- El'konin, D.B. (2001). *Psikhicheskoe razvitiye v detskikh vozrastakh: izbrannye psikhologicheskie trudy*. 3d ed. Moscow: Moskovskij psikhologo-sotsialny institut; Voronezh: NPO MODEK.
- Jung, K.G. (1994). *Problemy dushi nashego vremeni*. Moscow: Progress, Univers.
- Vergès, P. (1992). L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de Psychologie*, 45(405), 203–209. DOI: <https://doi.org/10.3406/bupsy.1992.14128>

Сведения об авторах

Уманская Полина Андреевна – аспирант, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Россия, Москва, p.umanskaya@yandex.ru

Комалова Лилия Раяшитовна – доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик ИНИОН РАН, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики МГЛУ, Россия, Москва, komalova@inion.ru

About the authors

Umanskaya Polina Andreevna – PhD Student, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russia, Moscow, p.umanskaya@yandex.ru

Komalova Liliya Ryashitovna – Doctor Habil. (Linguistics), Associate Professor, Head and Leading Research Fellow of the Centre of Emerging Practices, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, komalova@inion.ru